

Проносится Жизни Кортёж.

«Стихи» – первый опус издания ненаучных произведений автора. Последующие – «Воспоминания» и «Музыка» – готовятся к печати без больших надежд на прижизненное окончание. Отсрочка издания указанных трех опусов к концу жизни обусловлена приоритетом научных интересов автора, который в настоящее время весь свой досуг посвящает окончанию популярного издания «Энциклопедия наук 21-го века (системный аспект)», включающего теологию. Как следует из самого заглавия книги, стихи отражают жизненный путь автора. Этот путь запечатлел образы уходящих родных и друзей на фоне апокалиптических событий 20-го века, удивительные метаморфозы воображаемых мест в реальные и неуклонное движение путника к встрече с Богом. Предлагаемое издание, видимо, не вышло бы в свет без инициативы Леонида Геера, который включил в книгу с согласия автора лишь небольшое число лучших произведений и собственноручно перенес авторский рукописный текст в компьютерный. Автор выражает ему глубокую благодарность.

Тамаре 1940 г

Вечер пуст...
Трепет уст...
Темен сад...
Томен взгляд...
Время грань...
Что за ней?..
Снег и рань...
Бег саней.

Рахиле 22 июня 1941 г.

Это еще не пройдена грань!
Это тишь – не гроза...
Ночь без сна, предрассветная рань.
Всюду твои глаза.
Видно покой невозможен теперь
И обязательна жуть.
Боком вчера вошедшая в дверь
Вечно вошла в мою грудь.
С запада рвется в огне горизонт.
В сердце звонок застыл...
Ты говорила, что едешь на фронт.
Я отправился в тыл.

Флагман канала Москва-Волга “Иосиф Сталин”, маршрут Москва-Саратов. Весь июль 1941 г.

Вот идет пароход
Лестницы... каюты...
И за брызгами вод
Тянутся минуты
Шум и звон от цепей.
Ящички, канаты...
С ржавчиной якорей
Спор матросов-хватов...
Прогудели гудки
Трапы сняты живо
И по глади реки
Зыбь поползла криво
Много слез и невзгод
На себе он вынес...
Поседел пароход
Волос снастей вылез.

Проносится жизни кортеж

Проснулся я утром сегодня
И мир в содроганье поплыл
Как в той поре первородной,
Которую я позабыл.
А что будет завтра? Не знаю...,
Но вечера я не боюсь...
Вдруг звон мимолетный трамвая
Навеял и радость и грусть...
Я вспомнил тех, кто до встречи
Со мной был таинственно свеж...
Их лики тают, как свечи
Проносится жизни кортеж.

1969.

Сон

Я видел пир. Блестая жемчугами
Приходит мать – отца с ней нет давн
Размеренными, острыми шагами
Идет к столу – и я с ней пью вино.
Среди гостей не вижу близких ликом
А все личины – им уж все равно
Под звук стаканов злобствующих кл
Тут с князем тьмы с утра уж пьют ви
Вот он сидит отступник величавый
Неужто им пред – определено
Быть горестям – почестям и славе?
Он к нам подсел... и мы с ним пьем
Но для беседы слов не нахожу я
Неужто впрямь все оговорено
Где быть нам, здесь и там? Зажмурия
Я пью вино, вино, вино, вино.
Как тяжело в пиру мне том похмелье
И горестно и больно и темно
Но вот иссяк поток хмельного зелья
Все кончено, и я не пью вино

1979, Москва (год смерти матери)

Лице

Вот идет пароход
Лестницы, каюты
И за брызгами вод
Тянутся минуты

1941 г.

Идут солдаты, солдаты идут...
Шаги их мерны и гулки...
Они подпевают себе на ходу
И вторят им переулки.
Идут солдаты, солдаты идут.
Под резких команд настройки,
Чтоб сеять смерть, чтоб самим в бреду
Стонать на больничной койке.
Идут солдаты, солдаты идут...
Шаги их мерны и гулки...
Они подпевают себе на ходу
И вторят им переулки.
И хмурятся им поля с вороньем,
Леса в тумане белесом...
Глядя, как их выжигают огнем
И валят на землю железом.

**Памяти незабвенного Сережи Дрейзина
(погиб на фронте)**

Яма, холмик, крови сгустки
Да тела недвижимые...
Путь им дан короткий, узкий,
Смертию изльженный.
Глаз усталая звериность
Чернью оторочена...
Кротость их, любовь, невинность
Чиста...непорочна...

1942

В заболоченном пруду
Головы задуманной
Быть наверно не в бреду
Все простое – умно...
А из глаз струится муть...
Чавкает водица...
“Лишь глупа той шутка жуть,
Что велит родится...”

**На гибель линкора «Принц Уэльский»
в Сингапурском проливе. 1942г**

Смерть и горе...
Пылающее море...
На гибнущем линкоре
Агонии пурга...
Дрожь, отдышки,
Но он без передышки
Нацеливает вспышки
На близкого врага...
Поздно ль, рано...
Его погубит рана...
Безумие тарана
За гибель отомстит...
Гордость флота
Минута разворота...
И вихрь водоворота...

Амазонок бег проворный
Не догонит робкий раб
Не догонит евнух вздорный
Чванный эллин в беге слаб
Амазонок песен звуки
Не тревожат фавна слух
И кентавры к песням глухи
Грубый варвар к песням глух
Смертный жизнью томимый
Слыша песнь – проходит мимо,
Лишь богам дано понять
Песни смысл и бег догнать

1970

Лие

Ты умчалась в дальние пределы
Повинуясь долгу и судьбе...
Но мои направленные стрелы
Не дают покоя там тебе...
И опять на трубные призывы
Повернешь ты колесницу вспять
И увижу огненные гривы
И коней твоих опять, опять...
И увижу снова лик твой милый
И услышу снова песнь и речь
И поверю я, что до могилы
Нам не счесть еще разлук и встреч.

1971

По получению визы

Приобщился к вольготному люду,
Хоть судьбу о том не просил
И сподоблен Вселенскому чуду
С исполатью Великой Руси.
Возгордись таким приобщеньем
Неожиданным благом его
Объяснил я это везеньем,
Для которого всё – ничего.
Не считая, конечно, блата,
Что пути себе проторил
Безналичным векселем платы,
Сверху донизу нас покорил.
Этих правил не писаны строки,
Но о них нельзя забывать,
Не ужасны они, но жестоки
И повсюду им исполать.
Потому что вольготного люда,
Ты теперь хоть меня спроси,
Очень мало живет повсюду,
Как у нас на Великой Руси.

Кругосветка, 1974

Петушиное каридо в Лиме

Бычье каридо лишь с октября
А мы в Лиме в марте.
Неужто сюда приехали зря
Мечутся все в азарте.
Пока все быки жвачку жуют

Неповторимый вид.
Мглой одеты
Взметнулись силуэты
А вопли и приветы...
Пучина поглотит...

Где светлые зори сияют,
Где море поет небесам,
Где многого люди не знают
И верят лесным голосам
Там в чаще всеми забытой
Влачится непуганый зверь
И бродит ленивый и сытый,
Спокойно там даже теперь.
И мерные капли, спадая
С сочащейся соком коры,
Прохладу и сон навивая,
Врачуют ожоги жары.
А вечер таинственно-чистый
Откроет рельефности крон
А ветер на глади волнистой
Овеет задумчивый сон.
Но с севера тянутся руки
И к девственным синим лагунам
Их вод равномерные звуки
Знакомы уж медленным шхунам
И сходят с них дерзкие люди
Для них ничего уж не свято
Они расправляют там груди
То желтые люди Ямато.
Увидел через 40 лет в Новой Гвинее

Вот город, и порт, и таверна,
А рядом джунглей страна...
Ее не затронет наверно
И близкая к порту война
Не долги хлопки перестрелки
Их громче шумит водопад
И воды все также не мелки
И джунгли все также стоят...
Лишь там, где сидел британец
В таверне, как пестрый сарай
Дочь джунглей отдает свой танец
Тебе – молодой самурай
Упряма ты, воинственна, пылок
Она – и глупа и мила...
Мгновенье... и желтый затылок
Рук бронза твоих обвила.
Шум в воздухе, взрыва звуки
Над ними земли уж настил.
Навек не разжались руки
Британец с небес отомстил.

1942

В хлевах мочась у корыта
Нас уже сеньориты ждут
На петушином каридо.
Тут ставки не очень-то уж велики
Зато страстей половодье,
Когда бойцы под восторга клики
Снуют в боевом хороводе.
Но вот вонзаются шпоры до дна
В пласты трепещущей плоти,
И страсть одна и воля одна
Колоть, колоть и колоть их.
Как будто свет потемнел и потух
И все вскочили на месте,
Смотри как сник и осел твой петух
Как будто заснул на насесте.
Да это ему поважнее, чем нам
Ведь он прощается с жизнью,
А мы своих провожаем дам
Забыв, что его не вызволить.

(1974)

Карандаш

(Вождь не подписывал расстрельных)

Карандаш
Карандаш, карандаш,
Что ты делаешь не наш?
Карандаш в руках поэта
Крошит страсть, а видишь лето,
Горы, море, солнце, пляж,
Дождь, живое – не мираж.
Карандаш в руке тирана
Ровно строчит – погляди!
Где же подпись? Очень странно
Нету... Что там впереди?
Горе трупов, море крови
Тупо смотрит в мир отродье
То не чучело, а вождь
То не сон – кровавый дождь...
Не угрохаешь вождя
Захлебнешься от дождя.

1974

Сыну

Мне тревожно, в неизвестность
Снарядил тебя я сирый
Сам еще не разобравшись
В этом сумеречном мире.
Мне тревожно на распутье
Так зачем же я, мой милый
Дверь открыл тебе из дома
Без надежды и без силы?
Я не волен в этом беге
В этом шествии упорном.
Позади у нас могилы,
Впереди их полог черный
Дал тебе я эти руки,
А не царственные крылья
Их удел закрыть мне очи

Дорога, ковыль и репей,
Да ястреб парит на просторе.
Вливается море степей
В широкое русское море...
Вольна Запорожская Сечь
Сильна Посполитая Речь
И тени костелов на Висле
В вечернем тумане повисли.
А там, где под снегом трава,
Стоит простовато Москва,
Но стают снега и равнина
Цветет, как моя Украина.

Шуре Тюриной

По губам увидел – ты умная,
А глаза – как красива ты,
Пусть представился слишком шумно я...
Я тогда не искал правоты
В миг то пала душа безрукая
Я влюбился – что ж к лучшему то
Но казалось в лесу аукая,
Ты подводишь к бездне крутой...
Да! Напрасны были опасения
Все же наши пути разошлись
Помню лишь те зори весенние
Да твою забубенную жизнь.

1942

По гудящей топотом поляне,
В равномерном беге лени
Раздувая ноздри, мчались лани,
А за ланями рогатые олени
И на гонки ход, и на паденья
Ланей, и на странные их крики,
И на вихрь оленей нападенье
Ночь смотрела, да созвездий лики
Как вы пали наземь в беге
Словно воины на поле брани?
Или словно девы в страстной неге?

1943

Жене Васильевой

Когда бы знал я тот чертог,
Где воцарил твой юный бог,
Тому, что смутно чуя власть,
Ты не видав уж отдалась,
Его томленья зову вняв
Все ищешь лик сквозь сон и явь
Когда бы знал, где в мире он
Я б был соперником его.
Но сокрыт он в тайне снов и грез
От мира мелочных угроз.
В твоих глазах его печаль
И скорби на устах печать
И брови вычертили грусть,
А безнадежность - пальцев хруст.

1943

Как глаза отца закрыл я.

1974

Пережили годами и временем
Александра Сергеича Пушкина
Нам другие напевы навеяны
И другие наделы отпущены
Но кому, как не нам верить
Весь наш путь усеян ловушками
И по ком нам себя проверить,
Если не по страдальцу Пушкину?
Кто за честь выходил под пули,
Кто любил так странно неистово,
Кто один стоял в карауле
Посреди тупорылого пиршества,
Где толпа в холуйских передниках,
Да звенят шутов погремушки
И стоит один, без наследников,
Александр Сергеевич Пушкин.

Прелестниц Пушкина неисчислимы
Пусть не прельщает нас как сладкий
Хоть с Божьей помощью поэт их все
Они его загнали всё же в гроб.

1975

Вот глиняный голем по Праге идет
В руках он младенца и Тору несет
Ему не страшны супостаты
Над ним ведь архангел крылатый
Ты только попробуй, замесишь навое
С соломой и глиной обильно
И голема сделай, как рабби, и в нос
Вдохни ему силы всеильно.
Мы ходим по Праге, Варшаве, Москве
И нам не страшна инквизиция
Пока мы сжимаем в простертой руке
Ладонь глинобитной полиции
Но баста, ходит так весь век невтерп
«Прощай же докучливый голем»
Сказал и ушел от защит и угроз
Чужих непоседливый олем.

1988

Два перевода с немецкого
Фрице Больман-брадобрей
В Браденбурге на Битцзее
Лодочка одна стоит
В ней веселый Фрице Больман
С длинной удочкой сидит.
В воду удочка упала
Он хотел ее поймать
Но свалился с лодки в воду

Ты помнишь тебе или мне
Снилось наверно это
Ты помнишь знойное лето
И ночь и лес при луне,
Тропа сквозь объятья ветвей
Вела тебя в чей-то плен
И шла ты с дрожью колен
Прямою походкой своей.
Вдруг с мест, где поляны изгиб
Ты взвилась в небесный провал...
И словно выплеснул вал
Волос золотистую зыбь...
Мне встать или падать ниц
Нет мочи от плеч твоих ваз,
От бездн нацеленных глаз,
От стрел летящих ресниц,
Ведь сам я в звездном плену
Люблю его вечную ночь
Но вдруг полюбил я дочь
Земли, сквозь планет пелену.

1943

От всей души желаю Жене
Не пребывать больше в движенье
Все тем же слыть запретным зельем
Дружить с наукой и весельем...
Меж дел и благородной лени
Воздать свое, как в дни томлений
Желаю, внемля благосклонно
Преуспевания салона
И в нем на вечном счастья лоне
Забывать о всех и даже Боне.

1943

Владимиру Шевчуку

Безрыбье

Такие и каменный взор
Скал моря не видывал виды
С тех пор как вершинами гор
На мощных хребтах Атлантиды
Они небосвод подтирали...
Низвергнувший их бушевал
Тогда ураган так едва ли
И вряд ли так пенился вал...
Теперь грохотал небосвод
И стрел он метал мириады
В хаос негодующих вод
И те посылали каскады
Из брызг до мерцающих звезд
Они обрекали на смерть
Закрыв величавый карост
Земли и небесную твердь

.....

Безшумно лишь темное дно,
Краб нежится в иле и тине...
Ему утешенье одно –

Стал о помощи взывать:
«Люди добрые, спасите!
Я же лучший брадобрей
Браденбурга, помогите
Помогите же скорей!»
Только удочку достали
Фрице Больман утонул
С той поры уж на Битцзее
Не кричали: «Караул!»
Просит Больман уж на небе
«Добрый Петр,пусти меня,
Брадобрей я Фрице Больман
Браденбург – моя семья.»
Был растроган Петр этим
И сказал: «Бери свой таз,
Можешь брить и на том свете –
Ну, помывь меня сейчас.»
Пристывает Больман к делу
Петр бедный побледнел
И кричит: «Меня ты режешь
Черт бы даже не стерпел.
Вниз тебе я разрешаю
Слезть по лестнице домой
И царапать там людишек
Я ж останусь с бородой.»

P.S. В Браденбурге есть памятник Ф. Больману. Он жил в 19 в. И после его смерти клиенты писали куплеты

Детская песенка

В домике в лесу сидит
Олененок, в даль глядит...
Вдруг зайчонок прибежал
В стенку дома постучал
«Помоги,пусти, беда
Там охотник – мчи сюда!»
«Заходи зайчонок в дом,
Будем с другом жить вдвоем.»

1986

Американские Стихи (2001-2003 г)

Под сенью звезднополосатого
Текли привольно дни мои
И тень чудовища усатого
Едва мерещилась вдали.
Но вот опять оно мелькает
В сполохах взрывов наго мной...
Все промелькнет и в лету канет
В последней битве с Сатаной.

09/11/01

Соломону Угорскому

(В день его 80-летия, 9 марта 2003г)
Двадцатого века избранный сын
Из сотни один, где из тыщи один.
Минули конвой твоих лагерей,
Расстрельные списки своих матерей
В печах Холокоста ты в небо не взм

Понежить цветущих актиний
Как тянутся к свету они,
Где мчатся прозрачные рыбы
Но двинуться с места одни,
Без краба они не смогли бы...
Несущий ж на спинке их краб
Судьбою сын тихой пучины
И благополучия раб...
Актинии видят кончины
Манящих их рыбок на дне.
Хоть краб в обхождении ловкий
К нему каждый день холодней
И в трауре никнут головки

.....
Задумчивый краб тот бездельник
Из той же пород и друг
Его и лентяй и отшельник –
С ним часто делил свой досуг.
С ним вместе –таинственных линий
Ракушек где странный уют,
Смущая усердьем актиний
Бессмысленно жемчуг жуют
И вдруг от волнения тают
В ракушках тех звук уловив,
Как будто бы что-то читают,
В том звуке вдруг слышат мотив.
Эмоций меняются пятна
В мозаике взоров друзей
Актиниям это приятно
И старое мнится новей.
Хоть вольные моря медузы,
Которых любил осьминог
Порвали со скалами узы
И ринулись в бурный поток.
Там сверху солнце и мрак,
Борьба с обнаглевшим приливом
Сгинь жемчуг жующий рак
На этом безрыбье тоскливом.

1943

* Одногодка-Владимир Шевчик был самым близким другом автора, во время его учебы на 1-м курсе физмата Саратовского Государственного Университета в 41-42 гг. Типичный диссидент он все же вознесся до ректора СГУ в 70-80 гг.

Когда с небес упала людям Ялта
Сидели боги в тягостном молчанье
Один из них в одежде экскурсанта
Спустился вниз, исполненный отчаяньем...
И чтобы мир напрасно не тревожить
И выполнить Зевеса порученье
Был 10 дней там, взял что было можно
И удалился полный восхищенья.

Ялта, 1948

Десятидневный отпуск после окончания физмата МГУ

На поле войны ты на век не почил
Ветры Чернобыля над сонной страной
Тогда и тебя обошли стороной.
Всевышний XX-й нам век преподавал
Чтоб внукам ты память о нем передавал
XX-го века оскал Сатаны
Сегодня до гроба мы помнить должны
И память и жизнь твой бессмертный Изр

(Встреча через 60 лет)

Это с жизнью рандеву

Прочь тревоги и сомненья

Я по Брайтону иду

Это чудное мгновенье

Это с жизнью рандеву

Я еще не маразматик

Вижу все как наяву

Вот направо – там Крещатик

Это с жизнью рандеву

Не один я тут ... со мною

Мой седой погибший “дид”

И спокойною стопою

Он идет как тот хасид*

Мне другой не нужно доли

Вдруг, как свет – отец из тьмы

Вижу как идет на волю

Из Лукьяновской тюрьмы**

Что вы там, какие стрессы?

Горы фруктов, жуткий спрос...

“Вы наверно из Одессы?”

“Правда?” - Правда! То ж Привоз!”

“Как вода? – Покушай Бора!”

Мама с сыном. Закусон...

Я опять на Черном море.

За углом ведь – Ланжерон.

Не мерещится по пьянке

Голос предков “вус” и “вос”

Я уже на Молдаванке

Что решили наш вопрос?

Все спокойно. Сыты, бриты.

Обалденный едет кар.

Ну и шо? Антисемиты?

Это вам за Бабий Яр.

* Мой дед Ерухим Хусид погиб от нацистов

Украине в 1941 году

* Мой отец Шимон Флейшман в 1941

посажен в Киеве в Лукьяновскую тюрьму

деникинцами за сотрудничество с бо

и был освобожден, когда Красная Ар

Киев.

Я бегу по Москве, как затравленный

Обходя волчьи ямы, засады, капканы

Неужели не в толк мне, не в толк м

Что не время залечь и зализовать ра

Неужели не в толк, что отсюда бежа

и направления по распределению на работу в
в/ч № 43 753 (КГБ) (встреча с Леовой Ланда через 50 лет)

Восславим людей полутени

Восславим людей полутени
Меж мраком и светом идут
Они света круг расширяя...
За ними во светлом кругу
Сонм братьев их малых и робких.
Пред ними природы безмолвье...
Они же Гиганты и Боги
Меж мраком и светом идут
И света круг всё расширяют.
Но трижды восславлены будете
Гиганты свой взор обратившие вспять!
Провидевши светлого круга
Законы и Ритмы. Они
Света круг озаряют
И он еще лучезарней
Сияет во мраке Вселенной.

1954

Галине Михайловне Радионовой

Не завидуя молодости женщина
Ты прошла нелегкие пути
Те, что нам природою завещаны
Им еще изведать... им пройти.
И любовь глухого укротителя
И кончину первого дитя
И побег от вечного сожителя
На часок к другому, не шутя
Закалилась, стала осмотрительней
Кружево морщин вокруг бровей
Обожглась не раз и тем разительней
Обуздаешь рыщущих зверей.
А того, кто вырвал сердце полное
И тебя как море расплескал
Наградишь сам такими волнами,
Что кишка окажется тонка.

Гиленджик, 1954

В лучах багрового заката
Мир, вспыхнув – вдруг во тьму поплыл
Но ночи мощная токаatto
Его поддерживало пыл
И что-то вечно, кропотливо
Цедило влагу бытия
Из беспорядка вод прилива,
Между которых ты и я.

.....

О кто поймет наш смысл, ненужность,
Слепую перед смертью стать,
Готовность в эту мрак и вьюжность
Раз вспыхнув – вечно отблестать.

1954

Надо мне без оглядки покуда бежит
И потом уж рыдать и во сне вспомин
Дорогие до гроба любимые лица.
Но молю вознеся мя над прахом зем
Погрузившись в покой Своего Океан
Всеблагод, Всемогущий не исцели
Те живые, во трепете вечные раны.

Вась? По России взгрустнулось? Т

Что я - яврей?

Анекдот
Весна!! Над Москвою
Малиновый звон.
А мне, как ни скрою
Всё снится Гудзон
Кровавое лето
И вот уж заклан
На родине предков
Мой Авел – братан*
Зима, на пригорке
Поник, как живой
Наш Бахирев Борька*
С пробитой главой.
И я очень быстро
Едва не зачах
Не Божья ли искра
Спасла, горяча...
Пол века минули
Туманны как сон
Воочью вспорхнули
Мосты и Гудзон
Слоняюсь в Нью-Йорке
На сытых харчах
А Авел и Борька
Все снятся в ночах.

* Двоюродный брат -расстрелян не

году

** Мой одноклассник. Погиб на фр

году

Вдохновленный сумрачным полетом
Навсегда прощался с Землей
Я увидел как мерцает что-то,
Разливая радость и покой,
И мой дух, теперь уже не зримый,
Вновь вернулся к Вам недавних дне
И мерцанья пламень негасимый
Разгорелся заревом огней

Псалом

Дай знак мне Всевышний,
Что раб твой, я боле
Не буду брести
Не услышан тобою...
Дай знак мне Всевышний,

Лие

В полумраке жизни быстротечной
В чреде унылых, тусклых дней
Явится ль к тебе Природы Вечной
Отзвук грома и порыв и свет?
Явится ли вспышкой озаренья
Или в грозном облике Лалит
Или в тлевшем долго вдохновенье,
Что внезапно пламенем горит?
Не закажешь этого заранее
И заветных не ищи примет
Может ты уже и близок к этой грани,
За которой гром порыв и свет
И свершится ... вспыхнет озаренье
В грозном лике огненной Лалит
И от искр ее немое тленье
Вдохновеньем пламенным горит.

Август, 1955

Что в бедах и горе
Твой перст...
И мученьем обласкан Тобою...
Дай знак мне Всевышний
Что скованный волей,
Отринутый миром
Не брошен Тобою.
Дай знак мне Всевышний,
Что в сладостной боли
Уж близишь ты встречу
Меж мной и Тобою.

2002

Новорожденному внуку Иосифу

Ты прошел все шаги творенья
И свершилось одухотворенье
Искра Божия веселится,
Ей Душою дано вселиться
В тельце малое, в час заката
И взирать на то, что когда-то
Уже виделось, потрясенной...
Взор младенца, сначала сонный
Но растет души пробужденье
Не по дням, а с каждым мгновеньем
Ты безмолвен, но взор твой глубокий
Встретишь вдруг и увидишь Бога.
Тельце милое утло и зыбко,
Но уже на устах улыбка
Покоришь ты море и сушу
Не отдай лишь дьяволу душу.

8 сентября 2003

Автор о своих ненаучных увлечениях

Моя мать Нехама Хусид передала мне часть своего бурного темперамента, который реализовался в попытках самостоятельного музыкально-поэтического творчества. Этим попыткам способствовало окончание музыкальной школы по классу фортепиано и последующее самообразование по композиции и теории музыки. Увлечение последней зашло так далеко, что даже повлияло на выбор специализации в области математики на 4-м курсе мехмата МГУ. Тогда автор осознал, что для решения проблем, возникших у него в ходе создания собственной гармонической теории музыки, необходимо владение аппаратом теории вероятностей.

Проект первой дипломной работы автора, представленный им своему руководителю А.Н. Колмогорову был, отвергнут после чистосердечного признания босса в том, что «медведь наступил ему на ухо». При этом он тут же признался ученику, что «баловался» некоторыми формалистическими исследованиями образов «Египетских ночей» Пушкина и предложил теоретико-вероятностную тему дипломной работы «без дураков».

На протяжении всей своей жизни автор сохранил минимальную технику игры на фортепиано, так, что, будучи уже в Нью-Йорке, подыгрывал на органе при службе в синагоге. Эта техника оказалась достаточной для воплощения возникающих музыкальных образов в канонические музыкальные формы, даже полифонические.

Наброски нескольких десятков музыкальных опусов пылятся еще в архиве, в то время как созданные мной портреты близких людей уже висят на стенах моего жилища. В отличие от музыкального творчества, претендующего на внимание «гурманов», мои интимно-автобиографические стихи, как мне кажется, могут затронуть чувства более широкой аудитории.

